

ЖАЛОБЫ АРЕСТОВАННОГО ВАЦЕТИСА

За что попал к чекистам главком из латышских стрелков?

Среди документов Совнаркома мне частично удалось обнаружить уникальное свидетельство, проливающее свет на одно из значимых событий военно-политической истории Советской России — «дело» Полевого штаба РВСР. В последнее время этот сюжет привлекает значительное внимание исследователей¹, хотя не все публикации по этой теме можно отнести к по-настоящему взвешенным и академичным². Эта тема ещё далека от того, чтобы считаться мало-мальски раскрытой, тем более что часть документов до сих пор остаётся засекреченной, в связи с чем настоятельно необходимо введение в научный оборот новых источников.

Одним из таких важных свидетельств является письмо бывшего главнокомандующего всеми Вооружёнными силами Советской России Иоакима Иоахимовича Вацетиса (1873–1938) Ленину, написанное 22 сентября 1919 года, в период пребывания автора под арестом. В этом послании Вацетис убедительно показал всю абсурдность вы-

двинутых против него обвинений и привёл факты, не оставляющие места для сомнений в том, что всё «дело» Полевого штаба было результатом интриг и борьбы различных группировок в большевистском руководстве, причём «чужбы трещали» отнюдь не у большевиков, а у их ни в чём не повинных военспецов.

Через два года после этого письма, 27 октября 1921 года, Вацетис направил Ленину ещё одно послание уже с просьбой о полной своей реабилитации³. Интересно, что содержание второго письма было совершенно иным (там Вацетис перечислял свои заслуги перед советской властью, а затем подробно разбирал вопрос разногласий с командующим Восточным фронтом С. С. Каменевым по вопросам стратегии), однако бывший главком и в 1921-м по-прежнему не понимал, за что был арестован двумя годами ранее.

Предисловие, публикация и примечания Андрея Ганина, кандидата исторических наук

Председателю Совета Обороны тов. Ленину

Уже два с половиной месяца я сижу в Особом отделе В.Ч.К. арестованным без всяких обвинений.

В день моего ареста тов. Аванесов⁴ заявил мне, после некоторых данных мною объяснений на предложенные им мне вопросы, что с меня снимается всякое подозрение, но что тем не менее является необходимость изолировать меня на некоторое время в виду тех соображений, что мне, как бывшему Главкому, известны некоторые государственные секреты.

Но с тех пор прошло два с половиной месяца и то, что тогда было государственным секретом — то теперь утратило своё значение или существует в совершенно ином виде.

В моих руках была сосредоточена только оперативная деятельность, которая после вступления на должность нового Главкома получила совершенно иное направление, даже без всякой преемственности тех стратегических принципов, которые руководили моей оперативной деятельностью.

Следовательно, вместо моих стратегических планов появились таковые нового Главкома, в которые я совершенно не мог быть посвящён, так как сижу изолированным.

Поэтому эта главная причина моего

содержания под арестом уже давно утратила свой *raison d'être*⁵.

Тогда же тов. Аванесов сказал мне, что политотделом штаба собраны различные сведения от вторых и третьих лиц о будто сказанных мною словах и предложил мне дать соответствующие пояснения.

Первое сведение политотдела было такое, что будто я собираюсь атаковать Москву при помощи 5го латышского полка (находившегося в Серпухове для охраны штаба) и при помощи Серпуховских рабочих.

Такое сведение могло исходить или от легкомысленного агента или от явного провокатора.

Прежде всего, 5ый лат. полк является одним из самых преданных Советской власти полком (так в документе. — А. Г.); кроме того, он имеет в своём составе всего лишь около трёхсот человек, из коих большая половина даже не латыши.

Этот полк сражался вместе со мною на улицах Казани, где весьма сильно пострадал и с тех пор оставался при полевом штабе; при полку были две пушки.

Что же касается Серпуховских рабочих, то с ними у меня не было ничего общего, на митингах я совершенно не участвовал, ни с одним Серпуховским рабочим я ни разу не разговаривал.

Отношения между латышским полком и Серпуховскими рабочими были

крайне враждебны, между ними происходили драки.

В середине июня член реввоенсов[ета] Республики тов. Окулов⁶ заявил мне, что Серпуховские рабочие требуют удаления из Серпухова латышских стрелков.

Второе сведение было такое будто во время попойки генштаба Кузнецов⁷ сделал мне такое предложение, что если я менее ревностно буду служить большевикам, то после переворота я могу надеяться на получение в Деникинской армии должности батальонного командира.

Это сведение настолько абсурдно и глупо, что мне остается только сказать, что я с Генштаба Кузнецовым вместе никогда не ел, никогда вместе не пил и никогда, ни разу с генштаба Кузнецовым частным образом не разговаривал; видал я его в штабе во время занятий.

Третье сведение было такое, будто я сказал, что латышским стрелкам быть может ещё раз придётся тряхнуть Москвой. Тот агент, который это донёс, слышал звон, да не знал, где он.

Дело в том, что согласно полученных в штабе сведений Армия Латвии отступила от Риги в крайне расстроенном виде, части были расстроены, и дух среди войск подавленны[й]; многие совершенно не вышли из Латвии.

5го июля приехал в Серпухов бывший Командарм Латвии тов. Славен⁸ и подтвердил эти сведения.

Я высказал своё крайнее сожаление по этому поводу, указав, что мы очень рассчитываем на латышские части в виду возможности переброса латышской дивизии на Южный фронт (такое предложение сделал тов. Склянский⁹, и я с ним вполне согласился) и в виду предложения включить несколько латышских полков в отряды В.Ч.К. для борьбы с бандами зелёных и для подавления крупных мятежей внутри Республики; предложение о включении латышских частей в отряды В.Ч.К. сделал я тов. Гусеву¹⁰, который с этим вполне согласился.

Латышские стрелки как более развитые и более крепкие революционным духом доказали свою полную пригодность для названных целей ещё летом 1918 года.

Мысль же о необходимости создавать более значительных войсковых соединений (так в документе. — А. Г.) для подавления крупных мятежей и восстаний и банд зелёных возникла в штабе В.Ч.К. и разрабатывалась как в названном штабе, так и в полевом штабе.

5го же июля приехал в Серпухов тов. Данишевский¹¹ и сразу стал отрицать такое плохое состояние латышских частей.

Я указал тов. Данишевскому, что нельзя позволить развалиться латышским частям, указал на вышеизложенное и конкретно указал ему на тревожное положение в Москве, где беднота в то время заволновалась на почве голода, а контрреволюционеры это могли использовать для целей создания мятежа по примеру прошлогоднего выступления левых эсеров.

И тут я сказал тов. Данишевскому, что если это случится, то по примеру прошлогоднего латышским стрелкам может быть снова придётся вытряхнуть Москву от контрреволюционеров (кстати сказать, в прошлом году левозеро-ское восстание я подавил исключительно при помощи латышских стрелков и одной латышской батареи).

Такой был смысл моих слов.

Следующий вопрос, предложенный мне тов. Аванесовым, был по поводу того,

что будто я хлопотал о назначении моего племянника¹², бывшего у меня адъютантом, членом реввоенсовета или Комиссаром [в] 15ой армию, составленную из всех частей, входивших в состав бывшей армии Латвии; все бывшие Латышские части были сведены в одну дивизию, которая вошла в состав этой армии.

Дело в том, что мой племянник заявил мне, что он как коммунист может получить от партии приказ ехать на фронт и что в таком случае он как прапорщик должен будет сразу стать на командную должность.

Мой племянник не имеет никакого командного ценза, и поэтому он просил меня, нельзя ли будет в таком случае устроить его на первых порах комиссаром, чтобы присмотреться к обязанностям в бою командного состава.

Я обратился к члену реввоенсовета Республики тов. Гусеву и спросил (так в тексте. — А. Г.) его указать мне, как это устроить, если принципиально это возможно, причём я указал, что мой племянник — человек энергичный, работоспособный, храбрый и что он может принести большую пользу там, где нужно подтянуть дисциплину и водворить порядок, причём указал на 15-ую армию.

Тов. Гусев ответил мне, что он наведёт справку в Москве и потом мне скажет.

Но всё это кончилось тем, что мой племянник не получил предложения ехать на фронт, и справка оказалась не нужной и не была мною получена.

При отъезде из Серпухова генштаба Доможирова¹³ в Двинск по случаю его назначения Командующим 15ой армией я сказал ему, что 15-ую армию надо подтянуть, в особенности латышскую дивизию, которая на фронте даже открыла братание, сказал ему, что если мой племянник будет назначен Комиссаром в 15-ую армию, то он будет ему хорошим помощником в этом деле.

Доможиров был назначен на должность командарма 15ой вовсе не по моей рекомендации, а попав туда по кандидатскому списку.

Но Доможиров, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем реввоенсовета.

Конечно, это вызвало целую бурю недовольствия среди политических работников бывшей Армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т. е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу.

Выслушав меня, тов. Аванесов заявил мне, что мои объяснения его совершенно удовлетворяют.

С тех пор прошло два с половиной месяца, и я всё ещё сижу арестованным.

За что?!

Я пробыл на посту Главнокомандующего ровно год и дал немало побед.

Неужели это не является эквивалентным тем подозрениям, которые были вызваны всякими вздорными слухами, интригами и провокацией по моему адресу.

Центральная власть должна придти мне на защиту.

В настоящее время наша Республика находится в затруднительном положении по случаю неудач на юге.

Но мы знали времена похуже, а именно весной этого года, когда мы должны были одновременно бить на юге донское казачество, на востоке Колчака, а под Петроградом Родзянко¹⁴, что было сопряжено [с] большими неудобствами по переброске войск.

Теперь же на боевой арене юга против нас находится то же самое, но нами раз побитое донское казачество, но вместо Колчака и Родзянко, — добровольческая армия Деникина, действующая рядом с Доном, что очевидно облегчает для нас возможность достичь окончательную победу на юге. Прошу дать мне возможность принести пользу Р.С.Ф.С.Р.

Искренно преданный Вам

Иоаким Иоакимович Вацетис

22/IX 1919 г. Особый отдел В.Ч.К.

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 1–3 об. Автограф. Карандаш.

Примечания

1. Ганин А. «Товарищ Склянский — заступитесь...» Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. 2009. № 1; Он же. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник. Т. 9. М. 2010; Зданович А. А. Был ли заговор в Полевом штабе? // Родина. 2009. № 5; и др.
2. В особенности это присуще следующей работе: Войтиков С. С. Троцкий и заговор в Красной Ставке. М. 2009. Наш подробный разбор см.: Ганин А. В. В треугольнике Ленин — Троцкий — Сталин...
3. Публикацию этого письма см.: Войтиков С. С. Указ. соч. С. 230–235.
4. Аванесов Варлам Александрович (Мартirosан Сурен Карапетович)

(09.09.1884–16.03.1930) — член коллегии ВЧК (27.03.1919–01.1921).
5. Причину существования (фр.).
6. Окулов Алексей Иванович (1880–10.01.1939) — член РВСР (01–07.1919). Одновременно член РВС Западного фронта (05–06.1919).
7. Кузнецов Борис Иннокентьевич (12.05.1889–19.04.1957) — военный специалист РККА. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Начальник разведывательного отделения Полевого штаба РВСР. Арестован по делу Полевого штаба РВСР (09.07–07.11.1919).
8. Славен Пётр Антонович — Командующий 15-й армией (07–25.06.1919).
9. Склянский Эфраим Маркович (31.07.1892–27.08.1925) — заместитель

председателя РВСР (26.10.1918–11.03.1924).
10. Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович) (01.01.1874–10.06.1933) — военный комиссар Полевого штаба РВСР (06–12.1919).
11. Данишевский Карл Юлий Христианович (03.05.1884–08.01.1938) — член РВС 15-й армии (06.1919). Помощник военного комиссара Полевого штаба РВСР (07.1919–10.1920).
12. Вацетис Эрнест Иванович (около 1895–?) — военный специалист РККА. Последнее звание в старой армии — прапорщик. Участник Первой мировой войны. Член РКП(б). Адъютант главнокомандующего И. И. Вацетиса (1919) и его племянник. Арестован (1919). Начальник бронечастей

2-й Конной армии (1921). Награждён орденом Красного Знамени (1921).
13. Доможиров Николай Николаевич (31.10.1886–1922) — военный специалист РККА. Последнее звание в старой армии — капитан. Участник Первой мировой войны. Окончил ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии (1917–1918). Начальник штаба Западного фронта (19.02–26.05.1919). В распоряжении начальника Полевого штаба РВСР. Арестован без предъявления обвинения (02/03.07–07.11.1919).
14. Родзянко Александр Павлович (13.08.1879–06.05.1970) — генерал-майор. Командир Северного корпуса (с 25.05.1919). Командующий Северо-Западной армией (с 19.06.1919).